

К а р п ь

Погода сегодня веселая, праздничная, телефонная трубка звенить безпечными голосами, зовущими, приглашающими и укоряющими, а я сижу дома, простуженная, сонная и сердитая, сижу у письменного стола, по которому разложены листы для спѣшной работы.

Я не рассчитывала простудиться и сидѣть дома и отпустила свою Франсину. Она прибѣжала только на нѣсколько минутъ, наспѣхъ разбила чашку и передъ уходомъ вразумительно растолковала мнѣ, что завтракъ мой, собственно говоря, готовъ, потому что на плитѣ стоитъ кастрюлька съ приготовленнымъ «курбуйонъ», а на столѣ лежитъ рыба — «une belle carpe» и надо только эту рыбу положить въ кастрюльку на четверть часа — и все будетъ готово.

Я все отлично поняла и, когда настало время завтракать, пошла въ кухню.

И все было такъ, какъ Франсина мнѣ растолковала: на плитѣ стояла кастрюлька, въ которой плавала луковица и петрушка, а на столѣ лежала толстая рыба съ темной спиной и блѣд-

нымъ животомъ. Крупная чешуя красиво золотилась. Это, конечно, очень хорошо, что она красиво золотилась, но вѣдь для того, чтобы рыбу сварить, надо эту чешую содрать, что Франсина, очевидно, забыла сдѣлать.

Я дотронулась до рыбы кончикомъ пальца и вдругъ она дернула хвостомъ. Она была живая!

Я налила воды въ стаканъ и плеснула ей на жабры.

Она вздрогнула и ударила хвостомъ по столу. Какой ужасъ!

Что же мнѣ съ ней дѣлать? Скрести ее ножомъ, когда она какъ собака виляетъ хвостомъ?

Я налила воды въ миску и осторожно столкнула въ нее рыбу. Для этой операціи я обвернула руку полотенцемъ, такимъ отвратительнымъ было для меня прикосновеніе къ этой твари, потому что она живая. Странно — именно потому, что живая.

Рыба плеснулась на дно, пустила пузыри, чуть-чуть шевельнула жабрами, но лежала на боку. Очевидно ея дѣла были плохи.

Но вотъ жабры шевельнулись сильнѣе. Открылся круглый хрящеватый ротъ, широко, словно рыба запѣла. Ротъ этотъ былъ чуть-чуть розоватый.

Ей тѣсно въ мискѣ. Нужно найти что нибудь попросторнѣе.

Стала обыскивать бабье хозяйство моей Франсины. Нашла за шкапомъ какой то металлическій тазъ, для стирки что-ли. Налила въ него воды и осторожно перелила миску съ рыбой.

Рыба всколыхнулась, шлепнула хвостомъ, обдала меня всю водой, повернулась спиной кверху и поплыла вокругъ таза, тычась носомъ въ стѣнки.

Нужно ее накормить.

Покрошила ей хлѣба.

Взглянула на часы, замѣтила, что провозилась больше часа. А на столѣ работа, и голова болить, и хочется ѣсть.

— Послушайте вы, рыба! Это очень хорошо, что вы воспрянули духомъ, но вѣдь я ѣсть хочу!

Пошла въ столовую, разыскала въ буфетѣ корочку сыра, погрызла. Сѣла работать. И все время чувствую, что я въ квартирѣ не одна, что поселилось у меня въ домѣ *существо*, чья то жизнь, незамысловатая, но все же жизнь, протечетъ рядомъ съ моею, вошла въ мою.

Она мнѣ мѣшаетъ работать, эта рыба. Я все время невольно прислушивалась — что она тамъ, не плеснула-ли...

Куда мнѣ ее дѣть?

Не могу же я навязать ее себѣ на всю жизнь. Карпы живучи. Она можетъ протянуть еще лѣтъ двѣсти. Недаромъ поймали въ какомъ то итальянскомъ пруду карпа съ кольцомъ на жабрѣ, а на кольцѣ надпись: «Рыба эта пущена въ воду за полтора ста лѣтъ до Рождества Христова». Почему бы и моей не прожить еще нѣсколько сотъ лѣтъ? Перспектива для меня не реселая. Возись съ ней двѣсти лѣтъ. Видѣ у нея здоровенный, спина лошадиная. Если на лошадь смотрѣть сверху изъ окна — совсѣмъ мой карпъ.

Да и имя у нея самое подходящее — «Карпъ». Купецкое имя. Карпъ Иванычъ.

Куда его дѣтъ? Подарить Франсинѣ? Такъ вѣдь она его съѣстъ. Нехорошо. Онъ теперь вроде какъ бы свой человѣкъ, живетъ въ домѣ, купается, ѣстъ. Выходить, что сама я убить его не могу, но если убьютъ другіе — протестовать не стану. Некрасиво выходить.

Между прочимъ, я совсѣмъ не сентиментальна. Когда одинъ французскій университетъ прислалъ мнѣ протестъ противъ смертной казни, я не подписала его. Рѣшила отложить и подумать. И сколько вздору пришлось тогда выслушать по поводу этихъ протестовъ.

— Вы вѣдь не подадите руку палачу?

— Не знаю. Знаю, что видъ человѣка, который можетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ такимъ омерзительнымъ ремесломъ, навѣрное вызвалъ бы во мнѣ физическое отвращеніе. Мясникъ, только что зарѣзавшій быка, тоже не очень аппетитенъ.

Удивительное явленіе это физическое отвращеніе къ убійству. Явленіе *ненатуральное*. Въ природѣ его нѣтъ. Оно привоспитано въ теченіе вѣковъ. Отвращеніе моральное вызываетъ уже физическій рефлексъ, — тошноту, обморокъ.

Вотъ та публика, которая, по свидѣтельству газетъ, элегантная и веселая пріѣзжаетъ прямо изъ кабаковъ Монмартра смотрѣть на казнь, та публика по моему очень подозрительна. Не есть ли это сборище потенциальныхъ убійцъ? Если они не испытываютъ физическаго отвращенія при

видѣ убійства, то вѣдь при случаѣ не придется имъ разрушать самую могучую преграду на страшномъ пути — преодолевать физическое отвращеніе.

**
*

Что-то какъ будто плеснуло...

Это онъ, Карпъ!

Что я буду съ нимъ дѣлать?

Будь это гдѣнибудь въ деревнѣ, я бы выпустила его на волю, куданибудь въ рѣчку. А здѣсь въ Парижѣ бросить въ Сену очень трудно. Это кажется даже запрещено, кто ихъ знаетъ. Пришлось бы ночью подхватить карпа подъ мышку (а онъ будетъ хлопать меня хвостомъ по спинѣ!) и спуститься внизъ подъ мостъ. Но тамъ всегда присматриваетъ полиція и, чуть шлепнетъ карпъ по водѣ, мгновенно раздастся свистокъ и за моей спиной вырастутъ двѣ тѣни въ пелеринахъ.

— Что вы бросили въ воду? — спросить одна тѣнь и схватить меня за руку.

— Не трудитесь отпираться, — скажетъ другая тѣнь и схватить за другую руку.

— Я бросила рыбу, — отвѣчу я стуча зубами.

— Рыбу? Она бросила рыбу! — усмѣхнется первая тѣнь.

— Рыбу вытаскиваютъ изъ рѣки, мадамъ, а не бросаютъ въ рѣку, — скажетъ другая тѣнь.

— Будьте любезны слѣдовать за нами, — скажутъ обѣ вмѣстѣ.

И вотъ я въ участкѣ.

Меня вводятъ въ отдѣльную комнату. Садятъ на стулъ и направляютъ прямо въ лицо яркій свѣтъ лампы съ рефлекторомъ. Кто то сидитъ съ другой стороны лампы. Двое стоятъ у дверей.

— Вамъ нѣтъ смысла отпираться, — говоритъ спокойный, увѣренный голосъ. — Ваши сообщники уже арестованы и принесли повинную. Отпираясь, вы только отягощаете свою вину.

Я понимаю, что это хитрость, на которую онъ хочетъ меня поймать.

— Но у меня не было никакихъ сообщниковъ! — лепечу я.

— Такъ вы утверждаете, что вы совершили преступленіе одна? — строго спрашиваетъ голосъ.

— Какое преступленіе? — въ отчаяніи восклицаю я.

Онъ ничего не отвѣчаетъ на этотъ вопль. Я слышу только какъ шуршитъ его перо по бумагѣ.

— Можетъ быть вы — *fille-mère*? — снова раздается его голосъ. — Помните, что чистосердечное признаніе... Что толкнуло васъ на этотъ ужасный шагъ?

— Нужда, — отвѣчаю я машинально. — То есть нѣтъ. Жалость.

— Убіенство изъ жалости, — говоритъ голосъ. — Отлично. Значитъ, онъ былъ безнадеженъ?

— Ну конечно. У него уже жабры не шевелились.

— Жабры? — переспросилъ онъ и прибавилъ въ полголоса, — какая грубая! Ну-съ, подпишите протоколъ. Завтра съ утра будутъ посланы водолазы обшаривать рѣку на этомъ мѣстѣ.

Да. Они пошлютъ водолазовъ и тѣ найдутъ то, что всегда находится на днѣ современныхъ рѣкъ: семь правыхъ рукъ, три бедра, двѣ головы мужскихъ, четыре женскихъ, одну ключицу дѣтскую, одно ухо, одинъ ротъ и восемь поясницъ. Все это предъявятъ мнѣ для опознанія. Меня затошнить и все станетъ ясно. И все будетъ кончено.

Меня посадятъ въ тюрьму. Холливудъ пришлетъ мнѣ предложеніе крутить фильмъ. Казино де Пари — сыграть скэтчъ, какъ я убивала. «*Matin*» помѣститъ мой портретъ, на которомъ я выйду съ бородой и съ тремя глазами.

Начнутъ изслѣдовать мои умственные способности. Найдутъ, что я вполне сумасшедшая, но за свои поступки отвѣтственна.

Потомъ меня повезутъ въ судъ. Вызовутъ въ качествѣ свидѣтельницъ всѣхъ моихъ знакомыхъ дамъ и хотя онѣ ничего показать не смогутъ, ихъ все же заставятъ подъ присягой сказать, сколько имъ лѣтъ. И я буду смотрѣть на ихъ муки и ничѣмъ не буду въ силахъ имъ помочь.

Потомъ защитникъ скажетъ, что я очень раскаиваюсь и, утопивъ своихъ жертвъ, хотѣла сама броситься въ воду, но промахнулась.

— Да, виновна, — прозвенить голосъ председателя. Я спокойно выслушаю приговоръ.

Толпа на улицѣ захочетъ разорвать меня на части, но правосудіе откажется отъ этихъ услугъ и ночью, на разсвѣтѣ, меня разбудятъ и предложатъ мнѣ выпить стаканъ рому. Это мнѣ напомнитъ разныя чествованія въ русско-цыганскомъ стилѣ, когда стоишь и черезъ силу глотаешь не по вкусу сухое шампанское, а всѣ кругомъ, выпуча глаза, припѣваютъ: «Пей до дна, пей до дна, пей до дна!».

Я отгону недостойныя воспоминанія, откажусь отъ рома и поѣду казнить.

— Палачъ! — скажу я гордо. — Дѣлайте свое дѣло.

И ни одна фибра моего лица не дрогнетъ.

Нарядныя дамы изъ кабаковъ Монмартра встанутъ на сидѣнья автомобиля, чтобы лучше меня разглядѣть. Нарядныя дамы... Посмотрю-ка и я въ послѣдній разъ, какія манто теперь носятъ...

Ну вотъ, я и умерла. Голова моя съ сухимъ стукомъ упала въ корзинку. А ѣсть все таки хочется.

Пошла въ кухню, нашла хлѣбъ. Нечего сказать, — весело.

Карпъ шевелилъ плавниками, глоталъ воду, пускалъ пузыри и жилъ полной жизнью. И я, такъ трагически изъ за него погибшая, очевидно совершенно его не интересовала.